

В четвертой главе выявляется место загадки в системе фольклорных жанров, показывается их взаимопроникновение и взаимовлияние, в частности с подблюдными песнями-гаданиями, пословицами, детскими считалками и потешками.

В «Заключении» перечислены проблемы, требующие для своего разрешения (а подчас и постановки) дополнительных изысканий: лингвистический анализ загадок, соотношение образности загадки с устно-поэтической символикой, общеславянская и международная типология загадок, проблема заимствования и т. д.

Свое исследование В. В. Митрофанова строит на тщательном изучении трудов немногочисленных предшественников. С частью их выводов она соглашается, другие отвергает. Привлекает серьезность высказываний, деликатный и уважительный тон полемики. Так, отдавая должное А. Н. Афанасьеву, много сделавшему в области разработки вопросов поэтики и метафоричности жанра, В. В. Митрофанова выступает против крайностей его высказываний по поводу мифологической основы загадок; убедительно критикуется мнение М. А. Рыбниковой о соотношении в загадке родового и видового, об отражении в ней явлений и предметов обихода лишь крестьянина-земледелца, а не труженика в широком смысле.

Наряду с общей положительной оценкой рецензируемой работы хочется высказать несколько критических замечаний, не затрагивающих существа исследования, которые могут быть полезны при подготовке второго, расширенного издания монографии.

Правильно раскрыв роль разысканий В. П. Аникина в выяснении генезиса и начальных этапов жизни загадки, автор недостаточно осветила эту принципиально важную проблему.

Думается, что вопрос о происхождении жанра должен был бы освещаться не в первой (исторической) главе, а во второй, сугубо теоретической. Кроме того, материал этой главы следовало бы расположить несколько по-иному, вынеся вперед параграфы о специфике и определении загадок.

Книга должна завершаться библиографическим приложением, которое смогло бы познакомить читателя со всеми, весьма немногочисленными публикациями текстов и исследований русских народных загадок.

Досадны имеющиеся повторы. Дважды (на с. 95 и 134, 131 и 159 и др.) цитируются одни и те же, правда, весьма образные тексты; вероятно, можно найти и другие, не менее яркие примеры.

В целом же следует сказать, что монография В. В. Митрофановой представляет большой научный интерес и значительно обогащает советскую фольклористику.

М. Я. Мельц

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8. Детский фольклор. Составление, подстрочные переводы, предисловие и комментарии Э. Н. Таракиной. Саранск, 1978, 300 с.

В течение 15 лет издается серия «Устно-поэтическое творчество мордовского народа». Уже вышло семь томов (11 книг) этой серии. В очередной восьмой том вошли произведения детского фольклора самых разнообразных жанров, ранее мало опубликованные или совсем неизвестные.

Рецензируемый сборник издан под общей редакцией В. П. Аникина и Л. С. Кавтаськина. Составление, подстрочные переводы, предисловие и комментарии Э. Н. Таракиной.

Детский фольклор — интересная и до последнего времени мало изученная область мордовского народного творчества. Он предстает перед нами во всем многообразии жанров; в нем сочетаются и художественное, и педагогическое начала. Детский фольклор, будь то потешка или пестушка, прибаутка или считалка, загадка или сказка, — произведения высокохудожественные, отличающиеся простотой повествования, строгой последовательностью, доступностью для детского восприятия. Художественные образы помогают ребенку получить представление о различных предметах и явлениях, окружающих его в повседневной жизни, научиться добру, честности, мудрости.

Мордовский детский фольклор начали собирать еще в XIX в. Записывали и публиковали его такие видные ученые, как А. Юртов, Х. Паасонен, А. А. Шахматов, М. Т. Маркелов, М. Е. Евсеев, композитор Л. П. Кирюков. Большая работа была проделана также сотрудниками и аспирантами Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики. Составитель данного сборника Э. Н. Таракина много лет посвятила собиранию и исследованию детского фольклора. Результатом всей этой работы и явился выход в свет настоящего тома.

Сборник открывает вступительная статья. В ней достаточно полно освещается история собирания и публикации детского фольклора, приводятся существующие в науке различные определения понятия «детский фольклор», а также его классификации.

Э. Н. Таракина присоединяется к мнению О. И. Капицы и ее последователей, считая, что к детскому фольклору следует относить как произведения, специально созданные взрослыми для детей, так и произведения, перешедшие к детям из репертуара взрослых и созданные самими детьми. Эту точку зрения составитель тома считает наиболее приемлемой для мордовского материала и убедительно обосновывает ее. Во вступительной статье даны некоторые сведения о жанровых и поэтических особенностях детского фольклора, рассмотрены вопросы генезиса его жанров, их эволюции и современного состояния.

В сборнике принята жанрово-возрастная классификация текстового материала: колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки, заклички, приговорки, обрядовые произведения, игры, считалки, скороговорки, загадки, дразнилки, сказки.

Тексты в сборнике даны на современных мордовских литературных языках мокша и эрзя и в подстрочном переводе на русский язык. Составитель старался максимально приблизить перевод к оригиналу, однако это сделано не всегда удачно, особенно в текстах, почти целиком состоящих из специфических выражений и звукоподражательных сочетаний, которые в переводе многое теряют в смысловом и интонационном богатстве. Это особенно заметно в разделах «Игры» и «Считалки» (№ 271, 283, 293—311).

Достоинством рецензируемой работы является научный аппарат. В примечаниях к текстам читатель найдет данные об использованных источниках, указания на время и место записи, фамилии и возраст исполнителей. Когда это возможно, приводятся и более полные сведения об исполнителях, а также о том, когда и при каких обстоятельствах то или иное произведение вошло в их репертуар (с. 273). В настоящее время в рукописном фонде Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики накоплен огромный материал по детскому фольклору, однако в сборник включено 433 лучших текста, отличающихся своими высокими идейно-художественными достоинствами. В комментариях к текстам колыбельных песен, прибауток, закличек, приговорок, обрядовых произведений, игр, дразнилок, сказок даются ссылки на их рукописные варианты. Кроме того, сказки, включенные в сборник и приближающиеся к известным сюжетам, снабжены ссылками на соответствующие номера «Указателя сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева, что очень важно для научного пользования.

В конце тома дано приложение «О музыкальном складе мордовских детских песен», выполненное музыковедом Т. И. Одиноковой. В нем приведено 58 образцов типичных напевов и мелодий детского фольклора.

Итак, перед нами лучшие образцы мордовского детского фольклора, со вкусом отобранные. Значение этого сборника выходит за пределы финно-угорской фольклористики. Он дает важный материал для дальнейших исследований, может быть использован педагогами и воспитателями.

Однако при всем богатстве и многообразии материала, высокому уровню его научной подготовки в сборнике имеются некоторые досадные недостатки. Например, в комментариях номера томов рассматриваемой серии указываются то римской, то арабской цифрами, т. е. не унифицированы (с. 262), перевернуто клише нотного приложения (с. 298), на с. 265 под № 44 указано с. Старая Мурза Кочкуровского р-на Мордовской АССР. В этом районе есть с. Старые Турдаки (по-мордовски — Ташто Мурза). Однако эти небольшие недочеты не снижают научной ценности этой нужной книги.

Л. В. Седова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Д. Ковачевич-Којић. Градска насеља средњовековне Босанске државе. Сарајево, 1978, 421 с.

О средневековой Боснии долгое время писали как о стране, якобы лишенной городов,—так начинается свою книгу «Городские поселения средневекового Боснийского государства» известный югославский медиевист Десанка Ковачевич-Коич. Проверить справедливость этого мнения — основная задача, решаемая в монографии, подводящей итог многолетних изысканий ученого. Это первый опыт такого широкого исследования: никогда еще города XI—XV вв., расположенные между Дриной и Уной, не подвергались столь обстоятельному и всестороннему изучению. Перед автором стояла задача чрезвычайной трудности. Хорошо известно, что Босния — страна, подвергшаяся особенно интенсивной османизации, все местные архивы были уничтожены, письменные источники дошли до нас в ничтожном количестве, а города подверглись перестройке по восточному образцу. Нетрудно представить, какие сложности это порождает для ученого-урбаниста. Поэтому Д. Ковачевич-Коич пришлось прибегнуть в первую очередь к таким свидетельствам, как данные Дубровницкого архива и, кроме того, привлечь материалы топонимики, археологии и исторической этнографии.